

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1–3

А.А. Волкова

ПИСАТЕЛЬСКАЯ КРИТИКА ЛЕСКОВА В АСПЕКТЕ РЕЦЕПТИВНОЙ ЭСТЕТИКИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Рассматривается писательская критика Н.С. Лескова. Уточняется, что к этому понятию относятся практически все тексты писателя, в которых осмысливается как собственный художественный опыт, так и различные литературные замыслы, что дает основание изучать писательскую критику Лескова как воплощение писательской рецепции. Литературно-критические тексты писателя отличаются жанровым, композиционным, стилевым разнообразием и оригинальностью. Большую роль в них играет диалог, рассмотренный на разных уровнях.

Ключевые слова: Лесков; писательская критика; рецептивная эстетика; диалог.

Как особая форма литературной жизни и творчества писательская критика во второй половине XIX в. распространилась среди достаточно широкого круга писателей. Литературно-критические тексты есть у Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова и др. Само же понятие «писательская критика» появилось в литературоведении только в 1980-х гг. Сейчас оно прочно вошло в исследовательский оборот, но с самого начала понимается исследователями неоднозначно и является достаточно размытым понятием, поскольку во многом специфично. Его специфика зависит от культурного, социального и исторического контекста, личности художника, его литературных принципов и направленности и крайней субъективности высказываемого мнения¹.

С этой точки зрения писательская критика Лескова представляет несомненный интерес. Литераторы, совмещающие критическую и писательскую деятельность, но для которых критика стала профессией (Н.Г. Чернышевский, П.В. Анненков, Н.А. Добролюбов), имеют слабое отношение к означенному понятию. Часто их художественные тексты с эстетической точки зрения достаточно слабы, а критические абсолютно автономны от художественных. В писательской же критической практике имеет место как обращение к литературному явлению с точки зрения его предметности, нуждающемуся в глубинном осмыслении и интерпретации, так и осмысление его для собственных нужд, прежде всего для художественного самоопределения, т.е. того, что имеет название «творческой лаборатории» писателя.

Писательская критическая проза не приемлет ограничений со стороны жанра, композиции, языка, стиля и т.д. Это буквально все тексты, включающие критические суждения художника слова, отражающие его литературные замыслы, нашедшие жизнь в его творческом наследии. Поэтому, думается, правомерно изучать литературно-критические тексты как воплощение писательской рецепции, т.е. восприятия и дальнейшего духовного освоения им художественного мира произведения и поиска в нем своего «я», что в науке о Лескове практически не представлено в целостном виде.

Мир художественного произведения с «обратной стороны», проблему его освоения / присвоения ставит

перед собой рецептивная эстетика. Как писательская рецепция литературно-критические тексты представляют особый интерес, поскольку художник в них принимает на себя сразу три роли. Во-первых, он выступает как создатель, так как именно в писательской критике закладывается программа его художественного творчества (темы, идеи, образы, проблемы, особенности стиля, жанра), постигаются собственные творческие возможности, осмысливается и переосмысливается собственная литературно-художественная практика. Во-вторых, писатель берет на себя роль критика. В-третьих, он также является и читателем, т.е. соучастником процесса создания «вторичного мира» произведения. Поэтому существенно различаются писатель-реципиент и читатель-реципиент как соучастники творческого процесса.

Эти особенности дали основание Ю. Бореvu выделить такую рецептивную группу, как «писатели-критики» [1. С. 44]. С точки зрения рецептивной эстетики писатель-критик рассматривается как активный участник тех процессов, в которых вырабатывается литературное самосознание. Лесков в этой группе занимает значимое место, так как его литературно-критические суждения, которые во многом имеют отношение к литературному явлению как таковому лишь косвенно, как писательская рецепция занимают важное место в его творческом наследии. Так, уже в самом начале творческого пути в писательской критике Лескова появляется тема нигилизма, причем часто нигилистами он называет не только конкретных представителей этого направления, но и критиков, и литераторов, как это проявляется в его статьях «О замечательном, но неблагоприятном направлении некоторых современных писателей» (1861), «Как складывается репутация литератора в обществе и в литературных кружках» (1862). Велика роль в его критике правдивости художественного слова, за которым стоит не образ автора, а сам автор произведения («Нечто вроде комментария к сказаниям г. Асоченского о Т.Г. Шевченко» (1861), «Русский драматический театр в Петербурге» (1867)). Также Лесков выступает против «развязности» и «цинизма» в литературе и критике («Большие брани» (1869), «О рассказах и повестях А.Ф. Погосского» (1877) и др.)

Писательская рецепция крайне показательна еще и потому, что с ее помощью можно видеть, как художественный текст одного писателя преломляется в тексте другого, подготовленном его писательской критикой. Другими словами, именно писательская рецепция является примером того, как происходит диалог двух творческих личностей и шире – культур, исторических эпох. Именно в диалоге осуществляется процесс литературного самосознания: вступая в сотворчество, писатель-реципиент, который по природе своей всегда имеет потребность в общении, выполняет двоякую функцию – помогает обогатиться смыслу воспринимаемого произведения и обогащает свой художественный опыт. На уровне своих литературно-критических высказываний писатель-реципиент постоянно ведет диалог с читателем. Именно в нем, по словам Бахтина, «разноречивая среда чужих слов дана говорящему <...> в душе слушателя, как его апперцептивный фон, чреватый ответами и возражениями», здесь «происходит новая встреча высказывания с чужим словом» [2. С. 94].

Применительно к писательской рецепции Лескова диалог может рассматриваться и на другом уровне. У писателя такой диалог становится основой действия, композиции, является так называемым «сократическим диалогом», по терминологии Бахтина [3. С. 97]. Целью такого диалога становится обнаружение истины и неизбежное наступление согласия. Применительно к «сократическому диалогу» Лескова современный исследователь О.В. Евдокимова подчеркивает следующее: «Все творчество Лескова было стремлением к оживлению в себе, припоминанием первоначальных истин духа в живом личностном соприкосновении с другим. Сократ – тот образ-символ идеального другого, в диалоге с которым может быть воссоздана целостность личности, творящей на пути самосознания. Лесков каждым своим произведением вступает в диалог с другим, чтобы открыть и для себя в себе моменты истины в их абсолютном и первоначальном смысле» [4. С. 103–104].

То же можно сказать и о писательской критике художника. При этом Лесков постоянно пишет о невозможности достижения самосознания во всей его полноте, что, однако, не отменяет движения к нему. Это он отмечает в письме Суворину от 31 декабря 1889 г., посвященном опыту «переделывания» Л.Н. Толстого: *«Припомните-ка, каков был Л. Н-ч, и сравните – каков он нынче!.. Все это сделано усилиями над собою и не без промахов и “возвратов на своя блевотины”». Об этом некто известно многим, да и сам он в одном письме пишет: “Только думаешь, что поправился, как, глядишь, и готов, – опять в яме”. Это согласно с Вами и ответ Вам. А если бы он не “поправлялся”, – то... каков бы он был с этим страстным и гневливым лицом?.. А он себя переделал и, конечно, стал всем милее и самому себе приятнее. Неужли это такая малость, что из-за нее не стоит и пытаться себя сдерживать? Я с этим не согласен и хоть часто бываю “в яме”, но хочу по возможности из нее выбиваться»* [5. Т. 11. С. 452] (цитаты Лескова по всему тексту выделены нами курсивом. – А.В.). В итоге

движение к самосознанию становится целью творчества Лескова.

Необходимо уточнить и то, что диалог в литературно-критическом тексте писателя-реципиента является сущностным, сюжетообразующим и условным, поскольку здесь имеет место только мнение автора. Важно, что в нем диалог выстраивается на нескольких уровнях: между писателем-реципиентом и читателем, оппонентом (так называемым инакомыслящим, с которым писатель-критик вступает в полемику, и «периферийным адресатом»), автором произведения и собственно писателем, ведущим свой внутренний диалог. Такая особенность характерна для диалога в писательской критике Лескова, где он либо напрямую обращается к читателям или своим противникам, либо делает это косвенно, когда адресованность его текста можно угадать по стилю, языку и т.д. Более того, обращаясь к оппоненту, писатель часто сам становится в один ряд с читателем и ведет беседу, а точнее полемику от себя и от него вместе, как, например, это происходит в фельетоне «О лжи в русской жизни» (1862), в котором для Лескова-критика читателем становится представитель из народной среды. В своем фельетоне автор обвиняет современную передовую литературу в чрезмерном увлечении западом. Обыгрывая ситуацию заимствования западных праздничных традиций (статья начинается с описания подготовки к Пасхе), он ставит в противовес им *«святой обычай старины»* целоваться и обниматься с ближним. *«Стало быть, мы не “гнилой Запад”, мы чисты сердцем и душой, мы любимся, мы целуемся...»* [6. Т. 2. С. 498], – утверждает критик, и «мы» в этом утверждении становится обращением автора не столько от лица редактора, сколько от русского общества. Здесь же он рассуждает о том, что нужно читателю от литературы, беря на себя роль литературного судьи, знающего народ и его вкусы, поскольку сам он бесконечно ближе к своему читателю, чем представители *«направленской»*, по его выражению, литературы, в *«толках о народности»* которых видна только *«странная болтовня»*.

Для уяснения роли диалога в писательской рецепции необходимо ввести еще одно важное понятие – понимание, без которого диалог, в сущности, не может состояться вообще. Понимание как результат художественной рецепции и интерпретации произведения отражает вживание писателя-реципиента в определенную культурную традицию, культурно-историческую ситуацию, тем более что сама писательская критика включена в этот контекст.

Для писательской критики второй половины XIX в. социокультурный и историко-культурный контекст определяется выстраиванием концепций, связанных с поиском национального характера, и проблемой улучшения жизни народа, общества в целом и шире – нации в ситуации так называемой русской розни. Все это, без сомнения, становится предметом спора буквально всех писателей означенного времени, но присутствует в критической рецепции прежде всего таких художников-реципиентов, как М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков.

В своей полемической статье «Граф Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)», вышедшей сразу вслед за книгой К.Н. Леонтьева «Наши новые христиане Ф.М. Достоевский и граф Лев Толстой» (1882), Лесков говорит о правомерности выбора обвиняемыми Леонтьевым писателями христианской любви как первейшего качества русского человека, способного в этой своей *«космополитической любви»* спасти человечество, веры *«в блаженство всех народов и воцарении на земле благоденствия и гармонии»* [7. С. 113]. Вопросы, связанные с национальной идеей, волновали Лескова постоянно, поэтому его писательская критика изобилует освещением проблем народа в разных его проявлениях, темами поиска национального характера, религиозного самоопределения и т.д. При этом писатель находит его и в представителях из духовной среды, видя образ идеального священника-пастыря в рецензии под названием «Рассказ приходского священника Александра Гумилевского» (1862), и в народных массах «отверженных», положительно отзываясь о книге С. Турбина «Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки» (1872), с сочувствием показав жизнь ссыльных и каторжан в далеком и суровом крае. Таким образом, для его писательской критики характерна тесная связь литературного, общественного и национального самосознания, проникновение в нее национальной, еще только формирующейся на новый пореформенный период идеи.

Помимо культурного контекста, применительно к писательской рецепции следует также говорить о контексте литературном, в связи с чем выделяется, по терминологии Борева, рецепционная установка – литературные и культурные традиции, использованные автором в тексте, рождающие эффект узнавания, подготовленный рецепционным ожиданием. Все новое для читателя в итоге является неожиданностью, благодаря которой читатель-реципиент включается в сотворчество, дает произведению вторую жизнь. С рецепционной неожиданностью связана и проблема понимания, важная, в частности, для писательской критики Лескова, постоянно мучавшегося от непонимания / недопонимания со стороны литературного сообщества, что и отражено, например, в его авторецензии «Театральная хроника. Русский драматический театр» (1867) на драму «Расточитель» или литературном объяснении «О русском Левше» (1882).

Писательскую рецепцию, как правило, определяют индивидуальность творческой личности, неповторимость его литературно-критической деятельности, выражающаяся в стилистических, жанровых особенностях, выработке своего понятийного аппарата, собственных методов интерпретации художественных произведений, создании индивидуально-субъективной культурной, философской, эстетической концепции. Далее эти особенности прорастают в ткань художественных текстов, как в случае с литературно-художественной деятельностью Лескова. Оригинальность его творческой манеры видится в особенностях ведения диалога с читателем, композиционной и языковой составляющих, жанровой оригинальности его литературно-критических текстов.

Стиль и жанр писательской критики в итоге определяет ее диалогичность, а также внешние факторы. Так, во второй половине XIX в. критика была сосредоточена в основном на страницах газет и журналов, что во многом стало причиной смешения жанров публицистики, критики, художественной литературы, размытости границ между ними. Однако писательская критика сосредотачивается не только в периодике, но также и в личных письмах, воспоминаниях, художественных текстах, в паратексте (подзаголовках, эпиграфах, примечаниях, предисловиях и послесловиях, комментариях автора к своим текстам). Характерны для писательской критики и жанры автокритики. Такое разнообразие свидетельствует о широком применении писателями-реципиентами практически любых форм диалога.

Однако не все писательские критические суждения отличает такое разнообразие, которое характерно для творческой системы Лескова. Его литературно-критическое наследие вмещает в себя буквально все перечисленные жанры: от очерка и фельетона до письма в редакцию и автокритики. Одни, например, как фельетоны («Об отношении СПЧ. к г. Герцену и его “собачкам”» (1862), «Литератор-красавец» (1867)), по форме своей хорошо подходили для узких рамок газет, в которых писатель в основном и печатался (особенно в ранний период творчества), и в некотором смысле стали данью моде среди критиков означенного времени. Другие же жанры, такие как авторецензия, антикритика («Театральная хроника. Русский драматический театр» (1867), «Объяснение г. Стебницкого» (1864), «О романе “Некуда”» (1871)), писались по иной причине: они стали свидетельством его стремления достигнуть понимания в диалоге с оппонентами, оправдаться перед критиками и читателями, восполнить нехватку критических текстов по поводу его собственных произведений.

Более того, в ткань его литературно-критических текстов активно вплетаются художественные элементы. Так, в рецензию на роман Толстого «Война и мир» под названием «Герои Отечественной войны по гр. Л.Н. Толстому», которая, кроме того, названа автором отчетом, Лесков включает два анекдота (о Ермолове и Ростопчине) и элементы сказа (семейное предание о Ростопчине передается рассказчиком), что показывает композиционное и стилевое своеобразие писательской критики художника. Характерно, что в самих художественных текстах Лескова имеет место похожая, но обратная ситуация, когда в них проникают различные факты, конкретные уточнения, примечания, услышанные анекдоты, ставшие основой для сюжета, уточненные в подзаголовках и стирающие грань между вымыслом и реальностью, как это выражено, например, в рассказах «Язвительный. Рассказ чиновника особых поручений» (1863), «Бессребреник. Из воспоминаний старого армейца» (1869), «Тупейный художник. Рассказ на могиле» (1883). Многие из своих писательских критических текстов Лесков, отстраняясь от общепринятых правил, причисляет к каким-либо жанрам по собственному усмотрению в соответствии с той или иной писательской позицией

(внутренней, смыслообразующей), заявляя об этом в первых же строках текста, подзаголовке или заголовке. К примеру, серию статей «Театральная хроника. Русский драматический театр», написанную в 1867 г., он называет отчетами, антикритику в защиту «Крейцеровой сонаты» и «Послесловия» к ней Толстого – «Заметкой о браке» (1891) и т.п.

Таким образом, о своей жанровой оригинальности Лесков заявляет уже на уровне паратекста, особенно ярко и разнообразно проявившегося при подготовке писателя своего первого прижизненного Полного собрания сочинений, работу над которым он начал на закате своей жизни, в начале 1890-х гг. Это собрание изобилует разнообразными примечаниями, предисловиями, посвящениями и т.п., выполненными рукой самого автора, а значит, паратекст в нем в большей степени становится проявлением его собственной воли в формировании читательского восприятия и освоения художественного текста. В процессе этой работы Лесков раскрывает свои творческие идеи, указывает на собственные вкусы и литературные приоритеты, объясняет смысл произведений, причины их написания. Так, в эпиграфе к византийской легенде «Гора» он подчеркивает древность повествования и утверждает правомерность выбора жанра анекдота; в примечаниях к описанию расправы над пастором Райнером в романе «Некуда» подчеркивает разницу между жизненной и

художественной правдой и т.д. Во многом уже на этом уровне проявляются рецепционная новизна и неожиданность, к которым так часто стремился Лесков и которые, к сожалению, иногда приводили к непониманию критиков, результатом чего становилось множество негативных отзывов в адрес писателя и его произведений, как это произошло, например, с романом «Некуда» и драмой «Расточитель». В связи с этим его литературно-критическое наследие включает немало текстов, выполненных в жанре антикритики, писем-опровержений в редакцию и т.п.

В итоге, как выявилось из заявленной проблемы, писательская критика Лескова как вариант писательской рецепции крайне необычна и своеобразна на различных уровнях: жанровом, стилевом, композиционном, а также в диалогичности его критической прозы. Ее определяет также и настойчивое формирование национальной идеи в ситуации пореформенной России, связанной с сохранением народных традиций, ценностей, обращением к человеку из народа и жизни нации в целом. Более того, как писатель-реципиент Лесков стоит у истоков писательской критики нового типа с ее крайне субъективной, абсолютно свободной формой самовыражения в литературно-критической деятельности, значительно возросшей к началу XX в., когда эта форма творческой рефлексии станет отличать практически каждого крупного художника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом: *Егоров Б.Ф.* О мастерстве литературной критики. Л. : Сов. пис., Лен. отд., 1980; *Казаркин А.П.* Писательская критика как самосознание литературы // Проблемы метода и жанра : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 209–221; *Маслякова М.А.* Писательская критика – наука или искусство? // Писатели-критики : материалы науч.-теорет. конф. «Проблемы писательской критики». Душанбе : Дениш, 1987. С. 142–145; *Милявский Б.Л.* О пользе заблуждений писателя // Там же. С. 145–148; *Соколянский М.Г.* Методология изучения писательской критики. Критика в художественной ткани произведения // Там же. 1987. С. 139–141; *Плюхин В.И.* Писательская критика Сибири: рецептивно-функциональные аспекты регионально-исторического самосознания : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2008 и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борев Ю.Б.* Теория художественного восприятия и рецептивная эстетика, методология критики и герменевтика // Теории, школы, концепции: художественная рецепция и герменевтика. М. : Наука, 1985.
2. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М. : Худ. лит., 1975.
3. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М. : Худ., лит., 1972.
4. *Евдокимова О.В.* Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова. СПб. : Алетейя, 2001.
5. *Лесков Н.С.* Собрание сочинений : в 11 т. М. : Худ. лит., 1956.
6. *Лесков Н.С.* Полное собрание сочинений : в 30 т. Продолжающееся издание. М. : Терра, 1996.
7. *Н.С. Лесков о литературе и искусстве.* М. : Изд-во Лен. ун-та, 1984.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 марта 2015 г.

LITERARY CRITICISM OF N.S. LESKOV IN THE ASPECT OF RECEPTIVE AESTHETICS (DEFINING THE PROBLEM)

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 5-9. DOI 10.17223/15617793/394/1

Volkova Anna A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ann@myttk.ru

Keywords: Leskov; literary criticism; receptive aesthetics.

The article analyses the literary criticism of N. S. Leskov. This concept itself is rather specific because its meaning depends on a cultural, social and historical context, the identity of the artist, his literary tastes. From this point of view Leskov's literary and critical texts are of undoubted concern. Literary criticism is present almost in all texts of the artist not only with critical judgments, but also with art ideas embodied later in his literary works. The literary critical prose is not limited by rigid restrictions of a genre, composition, language or style. That is why it is called one of forms of the literary reception in the article (cultural absorption of a work of art, co-authorship), which is the subject of receptive aesthetics study. A dialogue plays an important role in this study. It is understood in the aspect of Bakhtin's theoretical research and is carried out in literary critical texts at several levels simultaneously: between the writer-critic and the author of the work, the reader, the opponent (the rival, "the peripheral addressee") and between the writer-critic and himself. Moreover, the writer-recipient himself at the same time is the reader, the critic and the author, which distin-

guishes him from the reader-recipient. All this is important for Leskov's literary and critical prose, which features originality. Here appears the so-called "Socratic dialogue" as a means to find the truth and to achieve the consent. Besides all this, the writer often sides with the reader in the dialogue. His critical prose features the freedom in the choice of a genre, composition, style. There are articles, letters to editors and autocriticism genres in Leskov's heritage. There the paratext has an important role (dedications, prefaces and epilogues, commentaries, notes, subheads). We define this as important that the leading subject of the national idea formation appears in the literary criticism of the second half of the 19th century, and in Leskov's criticism in particular. It would be impossible to analyze his literary and critical heritage without it. As a result, it is clear that Leskov was at the origins of the literary criticism of a new type developed by the beginning of the 20th century when practically all the great writers and poets showed their creative reflection.

REFERENCES

1. Borev Yu.B. *Teoriya khudozhestvennogo vospriyatiya i retseptivnaya estetika, metodologiya kritiki i germenevtika* [The theory of artistic perception and reception criticism, criticism methodology and hermeneutics]. In: Borev Yu.B. (ed.) *Teorii, shkoly, kontseptsii: khudozhestvennaya retseptsiya i germenevtika* [Theory, schools, concepts: art reception and hermeneutics]. Moscow: Nauka Publ., 1985.
2. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics: studies over the years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 502 p.
3. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972. 471 p.
4. Evdokimova O.V. *Mnemonicheskie elementy poetiki N.S. Leskova* [Mnemonic elements of N.S. Leskov's poetics]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2001. 314 p.
5. Leskov N.S. *Sobranie sochineniy: v 11 t.* [Collected Works in 11 v.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1956.
6. Leskov N.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. Prodolzhayushcheesya izdanie* [Complete Works: 30 v. Continued publication]. Moscow: Terra, 1996.
7. Leskov N.S. *O literature i iskusstve* [On literature and art]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1984. 284 p.

Received: 2 March 2015